

Пятница, 1 октября 1904 г.

Условия подписки с доставкой и пересыл. городскимъ и
изгороднимъ подписчикамъ:

12 к.—7 р. 11 к.—8 р. 50 к. 10 к.—8 р. 9 к.—7 р.
25 к. 8 к.—6 р. 50 к. 7 к.—5 р. 75 к. 6 к.—5 р. 5 к.—
4 р. 25 к. 4 к.—3 р. 50 к. 3 к.—2 р. 75 к. 2 к.—2 р.
1 к.—1 р.

За пересылку загранич. изд. добавоч. 60 к. ежемесячно.

Подписка принимается с начала 1-го числа.

За перемену адреса вносится 25 к.

За объявленія: за строку, занимаемую петитомъ на 1-й стра-
нице, 20 к., на 4-й странице—10 к.

При многократн. печатаніи—сбавка по соглашенію.

За разсыл. объявленій при газетѣ—8 р. отъ каждой тысячи.
Газетн. контора помѣщается въ Ростовѣ на Дону, на Бол.
Садовой улицѣ, въ собств. домѣ.

Контора открыта ежедневно отъ 8 час. утра до 8 ч. ве-
чера, въ воскресные и празднич. дни отъ 10 до 12 ч. дня.

Отдѣльныя номера въ Ростовѣ ид. а въ отдаленныхъ—5 к.

Телефонъ конторы № 240.

№ 260 Годъ четвертый № 260

ПРАВДА

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Пятница, 1 октября 1904 г.

Раздача газетъ почит. въ Ростовѣ на Дону, на Садовой
Садовой улицѣ, въ собств. домѣ.

Редакция для личн. общенія. отар. отъ 12 до 2 ч. дня

Статьи должны быть доставляемы съ полнотой и адре-
сомъ автора. Принятая статья, по усмотрѣнію редакціи,
подлежитъ измѣненію и сокращенію. Статьи безъ обо-
значенія условій считаются безплатными. Мелкіе замѣтки
уничтожаются, статьи сохраняются 1 мѣсяць. Пересылку
рукописей обратно авторамъ редакція на себя не при-
нимаетъ. Гонораръ выдается въ конторѣ по субботамъ
отъ 10 до 1 часа дня. Телефонъ редакціи № 8.

Объявленія для газ. „Правды“ и др. отъ личн. фирмъ
и учрежденій, находящихся въ С.-Петербургѣ, Москвѣ,
Вильнѣ, Ригѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Прибалтійскомъ край
и за границею, принимаются исключительн. въ централь-
ной конторѣ объявленій торговаго дома „Л. и С. Мендельсонъ“
въ Москвѣ, въ домѣ Сытова, и въ его отдѣленіяхъ С.-Пе-
тербургѣ, на Б. Морской, № 11, и въ Варшавѣ. Краев-
ское предм. № 33. — по таксѣ: поэма текста по 12 к., а
впередъ текста по 25 к. за строку петита или занимаемое
мѣсто.

Чеховский мирь.

VI. Мечтатели.

«Когда нѣтъ настоящей жизни, то живутъ миражами. Все-таки лучше, чѣмъ ничего».
Дядя Ваня* Чехова.

Кажется, ни одна цивилизованная страна не даетъ такого обилія людей, живущихъ не настоящимъ, но действительнымъ, а мечтами, какъ наша. Уравновѣшенный наблюдатель, побывавъ предварительно болѣе или менѣе продолжительное время въ какой-либо странѣ «положительныхъ» людей, живущихъ реальною действительностью, проѣдъ Англіи или Соединенныхъ Штатовъ, и попавъ затѣмъ въ Россію, всегда отмѣчаетъ, какъ характерную особенность нашей жизни, эту жизнь внѣ настоящего. До какихъ бы лѣтъ мы ни жили, ни никакъ не можемъ ощутить себя стоящими на чемъ-либо настоящемъ, положительномъ. Все намъ кажется, что то, чѣмъ мы живемъ въ данное время, есть нѣчто преходящее, чему настанетъ скоро конецъ, а затѣмъ начнется что то другое, несравненно болѣе лучшее. Къ занятіямъ, которыя выпали намъ на долю, къ окружающимъ насъ, къ мѣстожителю, словомъ, ко всему мы относимся именно какъ къ временному, съ чѣмъ намъ приходится мириться лишь до поры повремени. Все время намъ кажется, что все, наполняющее нашу жизнь,—но настоящее, а что рано или поздно наступитъ, наконецъ, действительно-настоящее, въ ожиданіи котораго нѣтъ никакой необходимости особенно удобно устраиваться, заботиться о правильной постановкѣ своихъ отношеній къ людямъ, о правильномъ отношеніи къ дѣлу, которыя мы заняты. И оттого мы такъ равнодушны къ настоящему, такъ небрежны въ исполненіи принимаемыхъ нами на себя обязанностей, и оттого имѣютъ въ нашей жизни успѣхъ «положительные» люди, люди съ чутьемъ настоящего, люди, довольствующиеся

этимъ настоящимъ и не стремящіеся ни къ какимъ «горизонтамъ». Какъ бы ни былъ ограниченъ такой «положительный» человекъ, именно то обстоятельство, что онъ стоитъ на твердой почвѣ, что это человекъ реального, действительнаго, но человекъ мечты, даетъ ему силу, передъ которой вынуждены склоняться несчастные мечтатели, переполняющіе нашу жизнь.

Эту особенность нашей жизни Чеховъ отразилъ поразительнымъ обиліемъ мечтателей, переполняющихъ его произведенія. Молодые и старые, интеллигентные и совершенно неприсѣщенные, мужчины и женщины, крестьяне, бѣглецы, чумаки, офицеры, учителя, студенты, монахи, врачи, фельдшера, мастеровые, даже сумасшедшіе—все у Чехова мечтаютъ, мечтаютъ о лучшей жизни,—о томъ, чего нѣтъ, но что должно бы быть или что будетъ. Настоящею жизнью они не живутъ, а только проходятъ мимо этой жизни, и мирятся съ нею, какъ съ чѣмъ то досаднымъ и чепрыжатымъ, миновать чего, къ сожалѣнію, нельзя, но чѣмъ серьезно заниматься совершенно не стоитъ, такъ какъ все равно это—ненастоящее, временное, за чѣмъ слѣдуетъ уже должно наступить то, чѣмъ слѣдуетъ жить и въ ожиданіи чего только и стоитъ жить.

И Чеховъ даетъ намъ и объясненіе причины этого обилія мечтателей въ нашей жизни. Это объясненіе кроется уже въ томъ изображеніи нашей действительности, какое дано Чеховымъ и на которомъ мы остановились въ двухъ предыдущихъ статьяхъ. Когда жизнь переполнена какими ужасами, которые изобразилъ Чеховъ, когда действительность такъ неприглядна,—мало того, когда она такъ чудовищно-ужасна, тогда по неполнотѣ человекъ отворачивается отъ этой действительности, отъ настоящего и начинать жить мечтою. Не буди этой способности у человека закрывать неприглядную действительность образами, создаваемыми воображеніемъ, иначе ли бы вынесли ужасы действительности?

И герои Чехова такъ именно и объясняютъ склонность свою и вообще русскаго человека жить мечтами. «Когда нѣтъ настоящей жизни,—говоритъ Войничкинъ въ „Дядѣ Ванѣ“,—то живутъ миражами. Все-таки лучше, чѣмъ ничего». Еще рѣшительнѣе выражается полковникъ Вершининъ въ „Трехъ сестрахъ“. Помечтавъ о „невообразимо прекрасной, изумительной“ жизни, которая будетъ на землѣ „черезъ двѣсти, триста лѣтъ“, Вершининъ говоритъ: „Человѣку нужна такая жизнь, и если ее нѣтъ пока, то онъ долженъ предчувствовать ее, ждать, мечтать, готовиться къ ней, онъ долженъ для этого видѣть и знать больше, чѣмъ видѣли и знали его дѣдъ и отецъ“. Наконецъ, братъ „трехъ сестеръ“, Андрей, прямо и ясно ставитъ въ связь неприглядную действительность съ необходимостью мечтать:

„Городъ нашъ существуетъ уже двѣсти лѣтъ, въ немъ сто тысячъ жителей, и ни одного, который не былъ бы по похожъ на другихъ, ни одного подвизника ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ, ни одного ученаго, ни одного художника, ни мало-мальски замѣтнаго человѣка, который возбуждалъ бы зависть или страстное желаніе подражать ему. Только бѣдѣ, пьянствѣ, пошлости умираютъ... рождаются другіе и разнообразятъ жизнь свою гадкой сплетней, водкой, картами, сутяжничествомъ, и жоны обманываютъ иудой, а мужья лгутъ, дѣлаютъ видъ, что ничего не видятъ, ничего не слышатъ, и неострашимое пошлое влѣяніе гнететъ дѣтей и искра Божія гаснетъ въ нихъ, и они становятся такими же жалкими, похожими другъ на друга мертвецами, какъ ихъ отцы и матери“...

„Настоящее противно, но за то когда и думаю о будущемъ, то какъ хорошо. Становится такъ легко, такъ просторно: и вдали забрежжитъ сѣнь, я вижу, какъ я и дѣти мои стану свободными отъ праздности, отъ кавсу, отъ гуся съ капустою, отъ сна послѣ обѣда, отъ полаго тумана... Эта склонность къ мечтаніямъ, жизнь не настоящимъ, а внѣ его, жизнь тѣмъ, что представляется гдѣ то въ туманной дали и что неизбежно «невообразимо прекрасно, изумительно», до такой степени характерна для насъ, русскіхъ, что Чеховъ рѣшился даже символизировать эту особенность нашей жизни въ самомъ блестящемъ изъ своихъ драматическихъ произведеній, въ „Трехъ сестрахъ“.

Здѣсь вся жизнь проходитъ въ мечтаніяхъ. Мечтаютъ всѣ дѣйствующие лица, а положительные люди остаются гдѣ то за сценой, и о существованіи ихъ мы узнаемъ только изъ разговоровъ дѣйствующихъ лицъ. Мечтаютъ даже самые солидные люди, которыхъ мы обычно представляемъ людьми положительными и всего менѣе способными отрываться отъ действительности ради мечтаній, какъ, напр., командиръ батареи Вершининъ. Но всего болѣе мечтаютъ сами «Три сестры», вся жизнь которыхъ въ теченіе десятковъ лѣтъ наполняется мечтаніями. Все то хорошее, чего тремъ сестрамъ недостаетъ въ настоящей жизни и что они хотѣли бы имѣть съ такою страстностью, слилось для нихъ въ одно представленіе о Москвѣ, въ которую онѣ такъ страстно стремятся и куда никогда не попадаютъ. «Москва»—здѣсь, конечно, только символъ, какъ сосредоточіе того, о чемъ мечтаютъ русскіе чело-вѣкъ, точно такъ же, какъ для крестьянскихъ мечтаній такимъ же символомъ является „Вольная земля“, „Бѣловолье“, „Китайскій клинъ“. И Чеховъ, давшій намъ такую яркую картину мечтаній нашей интеллигенціи въ „Трехъ сестрахъ“, даетъ столь же образную, столь же характерную картину мечтаній нашего крестьянства въ „Мечтахъ“. И когда сравниваешь эти двѣ картины, не знаешь, кто больше оторванъ отъ действительности, кто живетъ больше мечтами о томъ, чего нѣтъ, но что должно бы быть, что и будетъ неизбежно, если вѣрить тѣмъ, кто такъ страстно мечтаетъ. И это поразительное сходство явленій, наблюдаемыхъ на двухъ концахъ нашей общественной жизни, это поразительное тождество въ оторванности отъ реальной жизни, эта одинаковость мечтаній людей интеллигентныхъ и самыхъ темныхъ представителей крестьянской массы являются убѣдительнѣйшимъ свидѣтельствомъ необычайно широкаго распространенія мечтателей въ нашемъ обществѣ, необычайно огромной роли, какую играетъ въ нашей жизни эта удивительная способность жить мечтою.

Есть, однако, и различіе въ мечтаніяхъ интеллигенции и народа. Мечты послѣдняго направляются на опредѣленные предметы,—на то именно, что ему нужно, чего ему не достаетъ. Онъ мечтаетъ о земельномъ просторѣ, о такой странѣ, гдѣ „земля ни по чѣмъ, все равно какъ сибѣ: бери сколько желаешь“. Человекъ народа мечтаетъ о томъ, какъ онъ „станетъ пахать, сѣять, скотъ заводить, и всякое хозяйство, пчелокъ, овечекъ, собакъ... кота сибирскаго, чтобы мыши и крысы добра его не ѣли“. Онъ мечтаетъ о рѣкахъ и лѣсахъ, въ которыхъ „рыбы и дичины этой самой—видимо-невидимо“, одеревяхъ такихъ, что „взглянешь на маковку и голова кружится“, такихъ, которыя „ежели по тутошнимъ цѣнамъ, то за каждую сосну можно рубль десять дать“.

Въ осеннюю тишину, когда холодный суровый туманъ съ земли ложится на душу, когда онъ тюремной стѣной стоитъ передъ глазами и сонно толстаютъ чело-вѣкъ, ограниченности его воли, сладко бывають думать о широкихъ, быстрыхъ рѣкахъ, съ привольными крутыми берегами, о непроходимыхъ лѣсахъ безграничныхъ степяхъ. Молонно и покойно рисуетъ воображеніе, какъ раннимъ утромъ, когда съ небѣ еще не сошлось румянцѣ зарю, по безлюдному крутому берегу малюнькимъ пятномъ пробирается чело-вѣкъ; въковы мачтовая сосна, грозилшаяся торрасси по обѣ стороны потока, сурово глядятъ на вольнаго чело-вѣка и угрозою ворчатъ корни, громадные камни и колочіи кустарники заграждаютъ ему путь, но онъ силенъ плоть и бодръ духомъ, не боится ни сосенъ, ни камней, ни своего одиночества, ни раскатистаго эхо, повторяющаго каждый его шагъ“.

Таковы мечты народа. Нужды нѣтъ, что дѣйствительность часто жестоко сибѣтся надъ этими мечтами. И въ разсказѣ „Мечты“ авторъ именно и противопоставляетъ суровую действительность этимъ мечтаніямъ слабо-сильнаго мужиченка, въковычнаго бродяжки,—этого застрѣльщика искателей лучшаго, выпускаемыхъ постоянно народною жизнью. Суровое слово одного изъ сотскихъ, сопровождавшихъ бродяжку и поддавшихся было его мечтаніямъ, увѣровавшихъ въ ихъ осуществимость, возвратило поожиданно всѣхъ къ дѣйствительности, которая представилась прямо противоположно этимъ мечтамъ:

„Сотскіе напрягаютъ уши, чтобы обнять

воображеніемъ то, что можетъ вообразить себя развѣ одинъ Богъ, а именно то страшное пространство, которое отдѣляютъ ихъ отъ вольнаго края. Въ головахъ же бродяжки тѣнятся картины ясныя, отчетливыя и болѣе страшныя, чѣмъ пространство. Порезы нимъ вырастаютъ судобная волокита, поро-силыныя и каторжныя тюрьмы, арестантскіе бараки, томительныя остановки на пути, студенныя зимы, болѣзни, смерти товарищей“...

Нопоникшій родста съ ужасомъ глядитъ на строгія, безстрастныя лица своихъ злобѣщихъ спутниковъ и, но снмкая фуражку, выпучивъ глаза, быстро крестится... Онъ весь дрожитъ, трясотъ головою и всего его начинаютъ корчить, какъ гусеницу, на которую наступили“...

Но какъ ни рѣзко противорѣчитъ дѣйствительность тому, о чемъ мечтаетъ народъ, какъ ни много препятствій лежитъ на пути къ осуществленію этихъ мечтаній, ничто иное, какъ именно эти мечты, спасали и спасаютъ народъ отъ оупѣнія, отъ потери чело-вѣческаго облика подъ гнетомъ дѣйствительности и давали и даютъ силы болѣе энергичнымъ, болѣе живымъ или даже болѣе склоннымъ къ презрѣнію дѣйствительности устраивать свою жизнь на лучшихъ началахъ. Именно такимъ путемъ шли тѣ «землепреходы», которые колонизовали всѣ наши окраины и пріобилили ихъ къ общей родинѣ. Именно мечта-тели заселили нашъ неприглядный сѣверъ и роскошный югъ, именно мечтамъ народа мы обязаны покореніемъ Новороссіи, Сѣвернаго Кавказа, Поволжья, Забайкалья, Зауралья, степей и лѣсовъ Сибири вплоть до отдаленнѣйшихъ Чукотскаго носа и бухты Посьота. И сыгравъ такую великую историческую роль въ жизни нашего отечества, эта склонность къ мечтаніямъ нашего народа, эта вѣра въ возможность лучшей жизни гдѣ то въ «Бѣловодіи» или «Китайскомъ клинѣ», вѣста съ тѣмъ, несомнѣнно, принесла и громаднѣйшую реальную пользу мечтателямъ, такъ какъ если не они лично, то ихъ потомки повсюду на окраинахъ устроились не-пзмѣримо лучше тѣхъ, кто не былъ склоненъ въ такой мѣрѣ къ мечтамъ или не могъ осуществить ихъ и остался на старыхъ насиженныхъ мѣстахъ, гдѣ дѣйствительность такъ неприглядно ужасна, какъ ее изобразилъ

Чеховъ въ своихъ «Мужикахъ».

Но сыграетъ ли такой же великой роли и мечтательность нашей интеллигенціи? Пусть мечты ея слишкомъ неопредѣленны и не имѣютъ подъ собою такой реальной подкладки, какая чувствуется въ мечтаніяхъ людей народа. Пусть наша интеллигенція мечтаетъ о какой-то неопредѣленной лучшей будущей жизни, о которой она можетъ сказать только то, что эта будущая жизнь будетъ «свѣтлою, прекрасною, изящною», на которую можно смотрѣть только съ «умиленимъ и улыбкою» (Соня въ „Дядѣ Ванѣ“). Пусть эта «счастливая жизнь» наступитъ «черезъ двѣсти, триста, наконецъ, тысячу лѣтъ—дѣло не въ срокѣ» (Вершининъ въ „Трехъ сестрахъ“). Пусть эта „новая жизнь“ рисуется лишь въ видѣ какой то сим-волической „яркой звѣзды, которая горитъ тамъ вдали“ (Трофимовъ въ „Вишневомъ саду“). Важно уже то, что люди могутъ вырываться изъ принижающей ополшнвающей дѣйствительности и жить вѣрою въ эту „лучшую жизнь“. „Участвовать въ этой (будущей) жизни мы, конечно, не будемъ,—говоритъ тотъ же Вершининъ,—но мы для нея живемъ теперь, работаемъ, ну страдаемъ, мы творимъ ее,—и въ этомъ одномъ цѣль нашего бытія и, если хотите, наше счастье“. Важно именно это святое недовольство пошлостью дѣйствительности, вызывающее исканіе лучшаго: „Чело-вѣчество страстно ищетъ—и, конечно, найдетъ“ („Три сестры“).

Горе чело-вѣку, когда онъ не то, что потерялъ способность жить мечтою, потерялъ способность вѣрить въ лучшее будущее, но даже тогда, когда онъ сузилъ свои мечтанія, уступилъ подъ давленіемъ дѣйствительности въ размахѣ этихъ мечтаній, когда онъ ограничилъ для себя сферу приложимости своей вѣры. Путь компромиссовъ всегда опасенъ, но всего болѣе онъ опасенъ въ той области, которая составляетъ его святая святыхъ—то, чѣмъ онъ живетъ,—въ его вѣрѣ, въ его мечтаніяхъ. Уступая шагъ за шагомъ, чело-вѣкъ въ концѣ концовъ теряетъ все реальное содержаніе въ

своихъ мечтаніяхъ, ограничивая свою вѣру, онъ въ концѣ концовъ не только довольствуется малымъ, но начинаетъ принимать формальное за реальное и приходитъ въ восторгъ отъ того, что всего менѣе должно бы вызывать эти восторги. Такъ создается жизнь длинный рядъ тисовъ людей задаленныхъ дѣйствительностью,—также нашедшихъ отраженіе въ произведеніяхъ Чехова, причемъ въ самомъ концѣ этого ряда стоитъ знаменитый чеховскій „чело-вѣкъ въ футлярѣ“.

Но еще большее горе чело-вѣку, когда онъ потеряетъ способность мечтать, утратитъ вѣру въ возможности лучшаго. Тогда чело-вѣкъ превращается по-истинѣ въ „лишняго“ чело-вѣка, великолѣпный образчикъ котораго Чеховъ далъ намъ въ „Ивановѣ“. И если „футлярный чело-вѣкъ“ можетъ по крайней мѣрѣ, влечить жалкое существованіе, то для „лишняго чело-вѣка“ нѣтъ совсѣмъ мѣста въ жизни и ему остается только одно—пустить себя пулю въ високъ, какъ и сдѣлалъ герой «Иванова».

И, такимъ образомъ, мечты, которыми такъ необузданно отгаются у насъ ась, кто имѣетъ чуткую, отзывчивую совѣсть,—представляя собою глубоко жизненный ферментъ, вызывающій броженіе въ жизни и этимъ путемъ создающій сея новыя формы,—вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ огромнѣйшее значеніе и для самихъ „мечтателей“, спасая ихъ отъ превращенія въ „футлярныхъ людей“ или отъ гибели, которая такъ неизбежна для людей, потерявшихъ способность вѣрить, способность мечтать. Будемъ же, не смущаясь ничѣмъ мечтать о „Москвѣ“ или о „Бѣловодѣ“, предоставивъ другимъ счастье непосредственнаго общенія съ дѣйствительностью, счастье жизни въ унисонъ съ этою дѣйствительностью. И не будемъ завидовать этимъ реальнымъ, положительнымъ людямъ, такъ презрительно смотрящимъ на „мечтателей“...

Я. Абрамовъ.